

Винтор
Драгунский

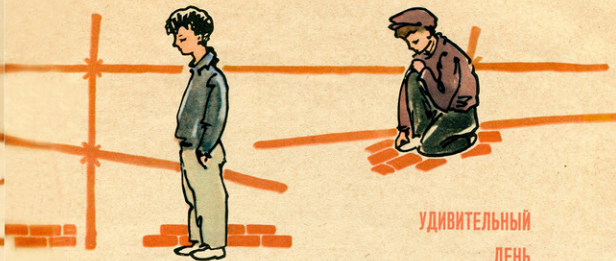
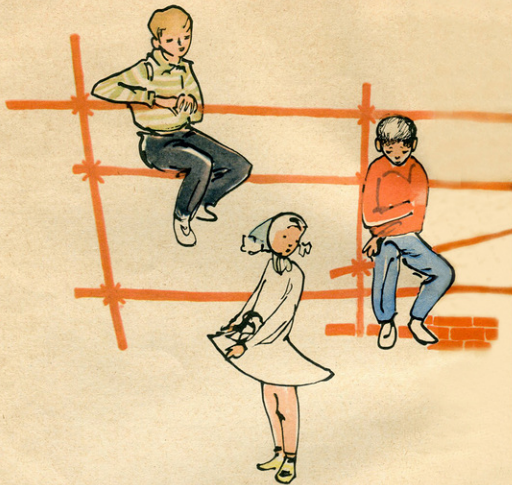
ИМЫ!

В И К Т О Р
Д Р А Г У Н С К И Й

И МЫ!

Издательство „Детский мир“
Министерства культуры РСФСР
МОСКВА 1963

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Несколько дней тому назад мы начали строить площадку для запуска космического корабля и вот до сих пор не кончили, а я сначала думал, что раз два-три—и у нас сразу всё будет готово. Но дело как-то не клеилось, а всё потому, что мы не знали, какая она должна быть, эта площадка.

У нас не было плана.

Тогда я пошёл домой. Взял листок бумажки и нарисовал на нём, что куда: где вход, где выход, где одеваться, где космонавта провожают и где кнопку нажимать. Это всё получилось у меня очень здорово, особенно кнопка. А когда я нарисовал площадку, я заодно пририсовал к ней и ракету. И первую ступень, и вторую, и кабину космонавта, где он будет вести научные наблюдения, и отдельный закуток, где он будет обедать, и я даже придумал, где ему умываться, и изобрёл для этого самовыдвигающиеся вёдра, чтобы он в них собирал дождевую воду.

И когда я показал этот план Алёнке, Мишке и Костику, им всем очень понравилось. Только вёдра Мишка зачеркнул.

Он сказал:

—Они будут тормозить.

И Костик сказал:

—Конечно, конечно! Убери эти вёдра.

И Алёнка сказала:

—Ну их совсем!

И я тогда не стал с ними спорить, и мы прекратили всякие ненужные разговоры, и принялись за работу. Мы достали тяжеленную трамбушку. Я и Мишка колотили ею по земле. А позади нас шла Алёнка и подравнивала за нами прямо сандаликами. Они у неё были новенькие, красные, а через пять минут стали серые. Прекрасились от пыли.

Мы чудесно утрамбовали площадку и работали дружно, и к нам ещё один парень присоединился, Андрюшка, ему шесть лет; он хотя немножко рыжеватый, но довольно сообразительный. А в самый разгар работы открылось окно на четвёртом этаже, и Алёнкина мама крикнула:

—Алёнка! Домой сейчас же! Завтракать!

И когда Алёнка убежала, Костик сказал:

—Ещё лучше, что ушла!

А Мишка сказал:

—Жалко. Всё-таки рабочая сила...

Я сказал:

—Давайте приналяжем!

И мы приналегли, и очень скоро площадка была совершенно готова. Мишка её осмотрел, засмеялся от удовольствия и говорит:

—Теперь главное дело надо решить, кто будет космонавтом!

Андрюшка сейчас же откликнулся:

—Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех вешу!

А Костик:

—Это ещё неизвестно: я болел, я, знаешь, как похудел? На три кило! Я космонавт!

Мы с Мишкой только переглянулись. Эти чертенята уже решили, что они будут космонавтами, а про нас как будто и забыли.

А ведь это я всю игру придумал. И, ясное дело, я и буду космонавтом!

И только я успел так подумать, как Мишка вдруг заявляет:

—А кто всей работой тут сейчас командовал? А? Я командовал! Значит, я буду космонавтом!

Это всё мне не понравилось. Я сказал:

—Давайте сначала ракету выстроим! А потом сделаем испытания на космонавта! А потом и запуск назначим.

Они сразу обрадовались, что ещё много игры осталось, и Андрюшка сказал:

—Даёшь ракету строить!

Костик сказал:

—Правильно!

А Мишка сказал:

—Ну что ж, я согласен!

Мы стали строить ракету прямо на нашей пусковой площадке. Там лежала здоровенная пузатая бочка, в ней раньше был мёл, а теперь она валялась пустая. Она была деревянная и почти совершенно целая, и я сразу всё сообразил и сказал:

— Вот это будет кабина. Здесь любой космонавт может поместиться, даже самый настоящий, не то что я или Мишка.

И мы эту бочку поставили на серёдку, и Костик сейчас же приволок с чёрного хода какой-то старый ничей самовар. Он его приделал к бочке, чтобы заливать туда горючее, — получилось очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были иллюминаторы для наблюдения. Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

— Это зачем?

А он сказал:

— Как зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал: — Молодец!

И у нас работа закипела вовсю. Мы достали разных красок и несколько кусочков жести, и гвоздей, и верёвочек и протянули эти верёвочки вдоль ракеты, и жестишки прибили к хвостовому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему боковому боку, и много ещё чего понаделали, всего не перескажешь. И когда мы увидели, что всё у нас готово, Мишка вдруг отвернул краник у самовара, который был у нас баком для горючего. Мишка отвернул краник, но оттуда ничего не потекло! Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой краник, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

— Вы что? Что вы наделали?

Андрюшка сказал:

— А что?

Тогда Мишка вконец разозлился и ещё хуже заорал:

— Молчать! Вы главный инженер или что?

Андрюшка сказал:

—Я главный инженер. А чего ты орёшь?

А Мишка:

—Где же горючее в машине? Ведь в самоваре... то есть в баке нет ни капли горючего.

А Андрюшка:

—Ну и что?

Тогда Мишка ему:

—А вот как дам, тогда узнаешь—ну и что!

Тут я вмешался и крикнул:

—Наполнить бак! Механик! Быстро!

И я грозно посмотрел на Костика. Он сейчас же сообразил, что это он и есть механик, схватил ведёрко и побежал в котельную за водой. Он там набрал полведра горячей воды, прибежал обратно, влез на кирпич и стал заливать.

Он наливал воду в самовар и кричал:

—Есть горючее! Всё в порядке!

А Мишка стоял под самоваром и ругал Андрюшку на чём свет стоит.

И тут на Мишку полилась вода. Она была не горячая, но ничего себе, довольно чувствительная, и когда она залилась Мишке за воротник и на голову, он здорово испугался и отскочил как ошпаренный. Самовар-то был, видать, дырявый. Он Мишку почти всего окатил, а главный инженер злорадно захохотал:

—Так тебе и надо!

У Мишки прямо засверкали глаза.

И я увидел, что Мишка сейчас даст этому нахальному инженеру по шее, поэтому я быстро встал между ними и сказал:

—Слушайте, ребя, а как же мы назовём наш корабль?

—„Торпедо“,—сказал Костик.

—Или „Спартак“,—перебил Андрюшка.

Мишка опять обиделся и сказал:

—Нет уж, тогда „ЦСКА“!

Я им сказал:
—Ведь это же не футбол! Вы ещё нашу ракету „Пахтакор“ назовите! Надо назвать „Восток-2“! Потому что у Гагарина просто „Восток“ называется корабль, а у нас будет „Восток-2“!

—На, Мишка, краску, пиши!

Он сейчас же взял кисточку и принялся малевать, сопя носом. Он даже вывернул язык. Мы стали глядеть на него, но он сказал:

—Не мешайте! Не глядите под руку!

И мы от него отошли.

И я в это время взял градусник, который я утащил из ванной, и измерил Андриюшке температуру. У него оказалось 48 и 6. Я просто схватился за голову: я никогда не видел, чтобы у простого мальчика была такая высокая температура. Я сказал:

—Это просто ужас! У тебя, наверно, ревматизм или тиф. Температура 48 и 6! Отойди в сторону.

Он отошёл, но тут вмешался Костик:

—Теперь осмотри меня! Я тоже хочу быть космонавтом!

Вот какое несчастье получается: все хотят! Прямо отбою от них нет! Всякая мелюзга, а туда же!

Я сказал Костику:

—Во-первых, ты после кори. И тебе никакая мама не разрешит быть космонавтом! А во-вторых, покажи язык!

Он моментально высунул кончик своего языка. Язык был розовый и мокрый, но его было мало видно. Я сказал:

—Что ты мне какой-то кончик показываешь? Давай весь вываливай!

Он сейчас же вывалил весь свой язык, так что чуть до воротника не достал. Неприятно было на это смотреть, и я ему сказал:

—Всё, всё, хватит! Довольно! Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длиннющий. Я даже удивляюсь, как он у тебя во рту укладывается.

Костик совершенно растерялся, но потом всё-таки опомнился, захлопал глазами и говорит:

—Ты не трещи! Ты прямо скажи, гожусь я в космонавты?

Тогда я сказал:

—С таким-то языком? Конечно, нет! Ты что, не понимаешь, что, если у космонавта длинный язык, он уже никуда не годится? Он ведь всем на свете разболтает все секреты, где какая звезда вертится, и всё такое. Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычищем лучше на земле сидеть.

Тут Костик ни с того ни с сего покраснел, как помидор. Он отступил от меня на шаг, сжал кулаки, и я понял, что сейчас у нас с ним начнётся самая настоящая драка. Поэтому я тоже быстро поплевал в кулаки и выставил ногу вперёд,—чтобы была настоящая боксёрская поза, как на фотографии у чемпиона Геннадия Шаткова.

Костик сказал:

—Сейчас дам плюху!

А я сказал:

—Сам схватишь две!

Он сказал:

—Будешь валяться на земле!

А я ему:

—Считай, что ты уже умер!

Тогда он подумал и сказал:

—Неохота что-то связываться!

А я:

—Ну и замолкни!

И тут Мишка закричал нам от ракеты:

—Эй, Костик, Дениска, Андрюшка! Идите надпись смотреть.

Мы побежали к Мишке и стали глядеть. Ничего себе была надпись, только кривая и в конце завивалась книзу.

Андрюшка сказал:

—Во здорово!

И Костик сказал:

—Блеск!

А я ничего не сказал. Потому что там было написано так: „ВАСТОК-2“.

Я не стал этим Мишку допекать, а подошёл и исправил обе ошибки, я написал: „ВОСТОГ-2“!

И всё. Мишка покраснел и промолчал. Потом он подошёл ко мне, взял под козырёк.

—Когда назначаете запуск?—спросил Мишка.

Я сказал:

—Через час!

Мишка сказал:

—Ноль-ноль?

И я ответил:

—Ноль-нолы!

* * *

Прежде всего нам нужно было достать взрывчатку. Это было нелёгкое дело, но кое-что всё-таки набралось. Во-первых, Андрюшка притащил десять штук ёлочных бенгальских огней. Потом Мишка тоже принёс какой-то

пакетик, я забыл, как называется, вроде борной кислоты. Мишка сказал, что эта кислота очень красиво горит. А я приволок две шутихи, они у меня ещё с прошлого года в ящике валялись. И мы взяли трубу от нашего самовара-бака, заткнули с одного конца тряпкой и затолкали туда всю нашу взрывчатку и утрясли её как следует. А потом Костик принёс какой-то поясок от мамино халата, и мы сделали из него бикфордов шнур. Всю нашу трубу мы уложили во вторую ступеньку ракеты и привязали её верёвками, а шнур вытащили наружу, и он лежал за нашей ракетой на земле, как хвост от змея.

И теперь всё у нас было готово.

—Теперь,—сказал Мишка,—пришла пора решать, кто полетит! Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока ещё не подходят.

—Да,—сказал я,—они не подходят по состоянию здоровья.

Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же закапали слёзы, а Костик отвернулся и стал колупать стену, потому что из него тоже, наверно, закапало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, а он плачет. Тогда я сказал:

—Костик назначается у нас Главным Запускателем!

Мишка добавил:

—А Андрюшка назначается Главным Зажигателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали гораздо веселее, и никаких слёз не стало видно, просто удивительно!

Тогда я сказал:

—Мишка, а мы давай считаться на космонавта.

Мишка сказал:

—Только, чур, я считаю!

И мы стали считаться:

—Заяц-белый-куда-бегал-в-лес-дубовый-чего-делалыки-драл-куда-кчал-под-колоду-кто-украл-Спири-дон-Мордель-он-тинтиль-винтиль-выйди-вон!

Мишке вышло выйти вон. Он, конечно, постарше и Костика и Андрюшки, но глаза у него стали такие печальные, что не ему лететь, просто ужас.

Я сказал:

—Мишка, ты в следующий полёт полетишь безо всякой считалки, ладно?

А он сказал:

—Давай, садись!

Что ж, ничего не поделаешь, мне ведь по-честному досталось. Мы с ним считались, и он сам считал, а мне выпало, тут уж ничего не поделаешь, и я сразу полез в бочку. Там было темно и тесно, особенно мне мешала вторая ступень. Из-за неё нельзя было спокойно лежать, она впивалась в бок. Я хотел повернуться и лечь на живот, но тут же треснулся головой о бак, он впереди торчал. Я подумал, что, конечно, космонавту трудно сидеть в кабине, потому что аппаратуры очень много, даже чересчур! Но всё-таки я приспособился и свернулся в три погибели, и лёг, и стал ждать запуска.

И вот слышу—Мишка кричит:

—Подготовься! Смирнаа! Запускатель, не ковыряй в носу! Иди к моторам.

И сразу Андрюшкин голос:

—Есть к моторам!

И я понял, что скоро запуск, и стал лежать дальше.

И вот слышу—Мишка опять командует:

—Главный Зажигатель! Готовься! Зажж!..

И я сразу услышал, как Костик завозился со своим спичечным коробком и, кажется, не может от волнения достать спичку, а Мишка, конечно, растягивает команду, чтобы всё вместе совпало—и Костикина спичка и его команда. Вот он и тянет:

—Зажж...

И я подумал: ну, сейчас! И даже сердце заколотилось! А Костик всё ещё брякает спичками. Мне ясно представилось, как у него руки трясутся и он не может ухватить спичку!

А Мишка своё:

—Зажж!.. Давай же, вахля несчастная! Зажжж...

И вдруг я ясно услышал:

—Чирк!

И Мишкин радостный голос:

—...Жжи-гай! Зажигай!

Я глаза зажмурил, съёжился и приготовился лететь. Вот было бы здорово, если б это вправду, все бы с ума походили, и я ещё сильнее зажмурил глаза. Но ничего не было: ни взрыва, ни толчка, ни огня, ни дыму—ничего. И это наконец мне надоело, и я заорал из бочки:

—Скоро там, что ли? У меня весь бок отлежался—ноет!

И тут ко мне в ракету залез Мишка. Он сказал:

—Заело. Бикфордов шнур отказал.

Я чуть ногой не лягнул его от злости.

—Эх вы, инженеры называются! Простую ракету запустить не можете! А ну, давайте я!

И я вылез из ракеты. Андрюшка и Костик возились с бикфордовым шнуром, и у них ничего не выходило. Я сказал:

—Товарищ Мишка! Снимите с работы этих дураков! Я сам!

И подошёл к самоварной трубе и первым делом начисто оторвал ихний мамин бикфордов поясок. Я им крикнул:

—А ну, разойдись! Живо!

И они все разбежались кто куда.

А я запустил руку в трубу и снова там всё перемешал, и бенгальские огоньки уложил сверху. Потом я зажёл спичку и сунул её в трубу. Я закричал:

—Держись!

И отбежал в сторону. Я и не думал, что будет что-нибудь особенное, ведь там, в трубе, ничего такого не было, я хотел сейчас во весь голос крикнуть: „Бух тарра-рах!“ Как будто это взрыв, чтобы играть дальше, и я уже набрал воздуха и хотел крикнуть погромче, но в это время в трубе что-то кааак свистнет, да кааак ддаст! И труба отлетела от второй ступени и стала подлетать, и падать, и дым! А потом как бабахнет! Ого! Это, наверно, шутихи там сработали, не знаю, или Мишкин порошок! Бах! Бах! Бах! Я, наверно, от этого баханья немножко струсил, потому что я увидел перед собою дверь и решил в неё убежать, и открыл и вошёл в эту дверь, но это оказалась не дверь, а окно, и я прямо как вбежал в неё, так оступился и упал прямо в наше домоуправление. Там за столом сидела Зинаида Ивановна, она на машин-

ке считала, кому сколько за квартиру платить. А когда она меня увидела, она, наверно, не сразу меня узнала, потому что я запачканный был, прямо из грязной бочки, лохматый и даже кое-где порванный. Она просто обомлела, когда я упал к ней из окна, и она стала обеими руками от меня отмахиваться. Она кричала:

—Что это? Кто это?

И, наверно, я здорово смахивал на чёрта или на какое-нибудь подземное чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был имя существительное среднего рода:

—Пошло вон! Пошло вон отсюда! Вон пошло!

А я встал на ноги, прижал руки по швам и вежливо ей сказал:

—Здравствуйте, Зинаида Ивановна! Не волнуйтесь, это я!

И стал потихоньку пробираться к выходу. А Зинаида Ивановна кричала мне вдогонку:

—А! Это Денис! Хорошо же! Погоди! Ты у меня узнаешь! Всё расскажу Алексею Акимычу!

И у меня от этих криков очень испортилось настроение. Потому что Алексей Акимыч — наш управдом. И он меня к маме отведёт и папе пожалуется, и будет мне плохо. И я подумал, как хорошо, что его не было в домоуправлении, и что мне, пожалуй, всё-таки денька два-три надо не попадаться ему на глаза, пока всё уладится. И тут у меня опять стало хорошее настроение, и я бодро-весело вышел из домоуправления. И как только я очутился во дворе, я сразу увидел целую толпу наших ребят. Они бежали и галдели, а впереди них довольно резво бежал Алексей Акимыч.

Я страшно испугался. Я подумал, что он увидел нашу ракету, как она лежит взорванная, и, может быть, проклятая труба побила окна или ещё что-нибудь, и вот он теперь бежит разыскивать виноватого, и ему кто-нибудь сказал, что это я главный виноватый, и вот он меня увидел, я прямо торчал перед ним, и сейчас он меня схватит! Я это всё подумал в одну секунду, и пока я всё это додумывал, я уже бежал от Алексея Акимыча во всю мочь, но через плечо увидел, что он припустился за мной со всех ног, и я тогда побежал мимо садика, и направо, и бежал вокруг грибка, но Алексей Акимыч кинулся ко мне наперерез и прямо в брюках прошлёпал через фонтан, и у меня сердце упало в пятки, и тут он меня ухватил за рубашку. И я подумал: всё, концы. А он перехва-

тил меня двумя руками подмышки и как подкинет вверх! А я терпеть не могу, когда меня за подмышки поднимают, мне от этого щекотно, и я корчусь, как не знаю кто, и вырываюсь! И вот гляжу на него сверху и корчусь, а он смотрит на меня и вдруг заявляет ни с того ни с сего:

—Кричи „ура“! Ну! Кричи сейчас же „ура“!

И тут я ещё больше испугался, я подумал, что он с ума сошёл! И что, пожалуй, не надо с ним спорить, раз он сумасшедший. И я крикнул не слишком-то громко:

—Ура! А в чём дело-то?

И тут Алексей Акимыч поставил меня наземь и говорит:

—А в том дело, что сегодня второго космонавта запустили! Товарища Германа Титова! Ну что, не ура, что ли?

Тут я как закричу:

—Конечно, ура! Ещё какое ура-то!

Я так крикнул, что голуби вверх шарахнулись. И Алексей Акимыч улыбнулся и пошёл в своё домоуправление!

А мы всей толпой побежали к громкоговорителю и целый час слушали, что передавали про товарища Германа Титова, и про его полёт, и как он ест, и всё, всё, всё. А когда в радио наступил перерыв, я сказал:

—А где же Мишка?

И вдруг слышу:

—Я вот он!

И правда, оказывается, он рядом стоит. Я в такой горячке был, что его и не заметил! Я сказал:

—Ты где был?

А он:

—Я тут. Я всё время тут.

Я спросил:

—А как наша ракета? Взорвалась, небось, на тысячу кусков? А Мишка:

—Что ты! Целёхонька! Это только труба так тарахтела. А ракета, что ей сделается? Стоит как ни в чём не бывало!

Я сказал:

—Бежим, посмотрим?

И когда мы прибежали, я увидел, что всё в порядке, всё цело, и можно играть ещё сколько угодно. Я сказал:

—Мишка, а теперь два, значит, космонавта?

Он сказал:

—Ну да, Гагарин и Титов.

А я сказал:

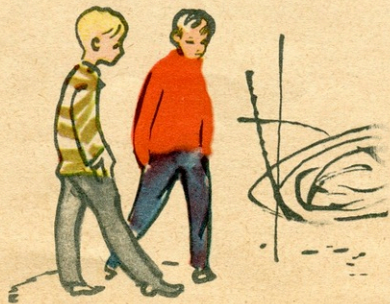
—Они, наверное, друзья?

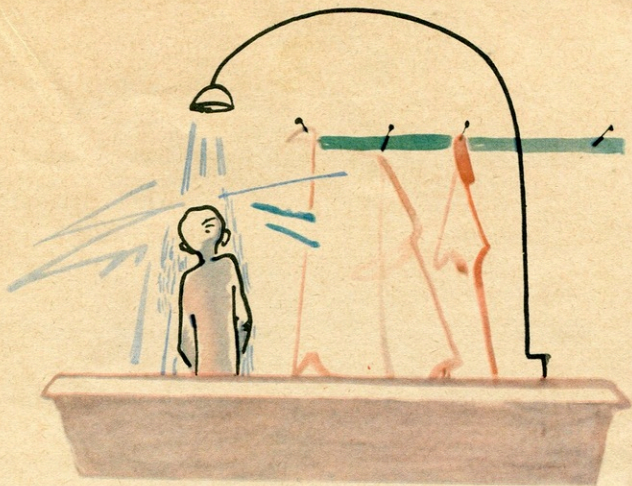
—Конечно,—сказал Мишка,—ещё какие друзья!

Тогда я положил Мишке руку на плечо. У него узкое было плечо и тонкое. И мы с ним постояли смирно и помолчали, а потом я сказал:

—И мы с тобой друзья, Мишка. И мы с тобой вместе полетим в следующий полёт.

И тогда я подошёл к ракете, и нашёл красочку, и дал её Мишке, чтобы он подержал. И он стоял рядом, и держал краску, и смотрел, как я рисую, и сопел, как будто мы вместе рисовали, и я увидел ещё одну ошибку и тоже исправил, и когда я закончил, мы отошли с ним на два шага назад и посмотрели, как красиво было написано на нашем чудесном корабле—„ВОСТОК-3“.

И МЫ!

Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу решили, что я теперь тоже буду Беркут, а Мишка—Сокол. Потому что всё равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут—такие красивые имена! И ещё мы решили с Мишкой, что до тех пор, пока нас не примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться, как сталь. И как только мы это решили, я пошёл домой и стал закаляться. Я залез под душ и пустил сначала тёпленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я её довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идёт так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше и пустил ледянистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырьками и так постоял полчаса, и здорово закалился. И когда я потом одевался то вспомнил, как бабушка читала стихи про одного

мальчишку, как он посинел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из носа, и я стал чихать. Мама сказала:

— Выпей аспирин и завтра будешь здоров. Ложись-ка! На сегодня всё!

И у меня сейчас же испортилось настроение. Я чуть было не заревел, но в это время под окошком раздался крик:

— Бе-еркут! А Беркут! Да Беркут же!

Я подбежал к окошку, высунулся, а там Мишка! Я сказал:

— Чего тебе, Сокол?

А он:

— Давай выходи на орбиту!

Это во двор, значит. Я ему говорю:

— Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и говорит:

— Не высовывайся так далеко! Упадёшь! С кем это ты?

Я говорю:

— Ко мне друг пришёл. Небесный брат. Близнец! А ты мешаешь.

Но мама сказала железным голосом:

— Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

— Мне мама не велит высовываться...

Мишка немножко подумал, а потом обрадовался:

— Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я всё-таки немножко высунулся и сказал:

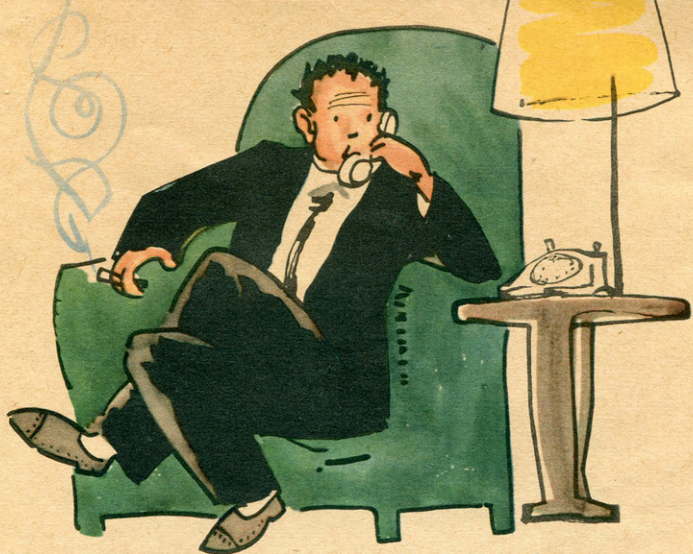
— Эх, Сокол ты мой Сокол! Мне тут, может, сутки безвыходно торчать!

А Мишка опять всё по-своему перевернул:

— И очень хорошо! Прекрасная тренировка! Закрой глаза и лежи, как в сурдокамере!

Я говорю:

— Вечером я с тобой установлю телефонную связь.

—Ладно,—сказал Мишка,—ты устанавливай со мной, а я с тобой.

И он ушёл. А я лёг на папин диван и закрыл глаза, и тренировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. Потом понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом пришёл папа, и я принял ужин из натуральных продуктов. Самочувствие было превосходное. Я принёс и разложил раскладушку.

—Что так рано?—спросил папа.

А я сказал со значением:

—Вы как хотите, а я буду спать.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

—Ребёнок заболел!

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это всё тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит! Потом сами узнают из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я

вспомнил, что пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошёл сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

—Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

—Сокол, это ты?

А он:

—Что-что?

Я опять:

—Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

—Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать. Сонечка, это Вы?

Я говорю:

—Какая там ещё Сонечка, это Беркут! Ты что, обалдел, что ли?

А он:

—Кто это? Что за выражения? Хулиганство! Кто это говорит?

Я сказал:

—Это никто не говорит!—И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лёг. И только стал задрёмывать, вдруг—зззззз! Телефон! Папа вскочил и выбежал в коридор, и, пока я нашаривал тапочки, я слышал его серьёзный голос:

—Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Набирайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор в чём мать родила, в одних трусиках.

—Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

—Это Сокол? Это Беркут! Сокол! Слушаю вас!

А Мишка:

—Докладывай, чем занимаешься?

—Я сплю!—говорю я.

А Мишка:

—Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важное дело! Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоём! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

—Молодец, Сокол!—я прямо подпрыгнул.—Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот, когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпать соседи, они кричали: „Безобразие! Что случилось! Уже поздно! Распустились! Здесь коммунальная квартира! Я думала, поросёнка режут!“

Но папа им сказал:

—Это небесные близнецы, Сокол с Беркутом, поют перед сном!

И тогда все замолчали.

А мы с Мишкой допели до конца:

...На пыльных тропинках далёких планет

Останутся наши следы!

